

DOI 10.5862/JHSS.255.8

УДК 94(470)“1920”(479)

Ю.А. Микуленок

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР ЧЛЕНОВ ЖАКТОВ В УСЛОВИЯХ ЖИЛИЩНОГО ГОЛОДА 1920-Х ГОДОВ (на примере южных городов России)*

В статье рассмотрен эмоциональный репертуар обитателей муниципализированных домовладений в городах в раннесоветский период (1920-е гг.). Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к истории повседневности, в частности к истории эмоций, которая является новым направлением в исторической науке. Основными подходами к изучению данной проблемы послужили теории психосоциального развития личности, социализации (З. Фрейд, Э. Эриксон и др.), жизненного мира и социального взаимодействия, гендера (А. Шюц, В. Земьюнер и др.). Концепция «потока сознания» У. Джеймса дала возможность проанализировать влияние психоэмоционального состояния обывателя на состояние его жилища, что позволило комплексно рассмотреть эмоциональный мир обывателя. Выявленный эмоциональный репертуар членов жактов представлен в основном негативными эмоциями: завистью, злостью, ненавистью, неприязнью и чувством безысходности. В 1920-х гг. в российских городах разразился острый жилищный кризис. Пытаясь решить жилищный вопрос, советская власть стала проводить новую жилищную политику. Одно из ее проявлений – создание коммунальных квартир. На состоянии таких квартир отражалось эмоциональное состояние их жильцов: грязь, беспорядок и запустение в них стали нормой. В одном доме, квартире или комнате жили люди, никак не связанные между собой. Коммунальная квартира, практически не оставлявшая человеку личного пространства, стала источником стрессов и конфликтов между соседями. Материалы статьи могут быть использованы при изучении советского периода в образовательных учреждениях, при подготовке учебных пособий для студентов, в научно-просветительской работе.

**НОВАЯ ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА; ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС; ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС;
КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА; ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАР.**

В раннесоветский период к основным задачам контрольных органов относились охрана единства партии и поддержание чистоты ее рядов, борьба с бюрократизмом и волокитой и др. Одной из важнейших функций контрольных комиссий являлось получение напрямую информации о жизни советских людей. В мае 1919 г. было создано Центральное бюро жалоб и заявлений, куда стекались «сигналы» от граждан: от банальной жалобы на соседа до заявления о производственном конфликте [1]. Местные контрольные комиссии регулярно информировали Централь-

ную контрольную комиссию обо всех аспектах жизни граждан, включая и жилищный. Жалобы и заявления, поступавшие в контрольные органы, дают ценную информацию о повседневной жизни людей того времени и одновременно несут в себе эмоциональную составляющую. При работе с данным видом источников приходится учитывать, что они перенасыщены негативной информацией, а порой содержат некорректные или недостоверные сведения.

Большую ценность имеют и такие источники, как письма, воспоминания и мемуары, позволяющие реконструировать эмоциональные переживания горожан 1920-х гг. Однако данные источники дают возможность выявить эмоциональный репертуар в основном только представителей «бывших» и интеллигенции.

История эмоций – это новое направление в исторической науке. Оно зародилось сравни-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-01-00239а «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920–1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций».

тельно недавно, в 1980-х гг., и стало активно развиваться, когда в социогуманитарном знании произошел «эмоциональный поворот», изменивший представления об эмоциях. Как отметил П. Берк, «мы на пути к культурной истории всего на свете: снов, еды, эмоций, памяти, жестов, юмора» [2, с. 18]. Стоит заметить, что первым к изучению эмоций обратился французский историк Л. Февр в 1930-х гг. [3, с. 11].

На Западе первыми теоретиками истории эмоций стали Б. Розенвейн, У. Редди, П. Стернс, К. Стернс, Я. Плампер и Р. Александр.

Б. Розенвейн, не отрицая биологической составляющей эмоций, говорит о том, что исследователь, изучающий эмоции, должен, анализируя их, раскрыть систему чувств. Она ввела в научный оборот такое понятие, как «эмоциональное сообщество» (социальная группа со схожими интересами) [4]. Розенвейн акцентирует внимание и на теоретико-методологической проблеме истории эмоций – сложности их выявления (некоторые источники содержат «скрытые» эмоции, которые исследователь должен увидеть).

У. Редди ввел в научный оборот следующие термины: «эмоциональный режим» (набор эмоций, официальных ритуалов и система переживаний, которые являются опорой политического режима), «эмоциональное страдание» (выражение чувств в сильно суженных рамках), «эмоциональное прибежище» (попытка предотвратить эмоциональное страдание, приводящая к созданию новых форм социальной жизни) [5].

В отечественной историографии первыми заинтересовались эмоциями исследователи А.Я. Гуревич, М. Бахтин, Ю. Бессмертный, А. Зорин.

Сегодня история эмоций имеет ряд нерешенных вопросов, например: насколько тождественны понятия «эмоция» и «чувство»? Проблемой является правильная интерпретация эмоции изучаемого объекта. Работая с «эмоциональными» источниками, исследователь не должен выдавать свои эмоции за эмоции изучаемого эмоционального сообщества.

В 1920-х гг. в российских городах разразился острый жилищный кризис. Стоит заметить, что условия повседневной жизни горожан после революции не слишком отличались от дореволюционных. Проблемы, которые существовали в царской России, с установлением советской власти обострились. Особенно остро жилищ-

ный голод испытывали южные города страны (территория Кубани, Дона и Черноморья), выросшие преимущественно из казачьих станиц, где преобладали узкие улочки и одноэтажные дома. Более 80 % населения этой территории было занято в сельском хозяйстве [6, с. 70].

По данным статистики, в 1923 г. Краснодар по среднему показателю распределения квадратных метров на душу населения сравнялся с Москвой и Петроградом и был вторым городом в Советском Союзе по остроте жилищного кризиса [7, л. 8]. В 1925 г. в Краснодаре на одну комнату претендовали 3 человека, в Новороссийске – тоже 3, в Ейске – 2, в Кропоткине – 3, в Анапе – 2 [8, л. 64–65]. В целом с 1923 по 1929 г. абсолютная жилая площадь в Москве сократилась на 13 %, в Ленинграде – на 34 %, в Краснодаре – на 35 %. В 1926 г. большая часть городского населения (около 75 %) проживала в муниципализированных домовладениях [9, л. 1], в которых царила особая атмосфера.

Пытаясь решить жилищный вопрос, советская власть стала проводить новую жилищную политику. Одно из ее проявлений – создание коммунальных квартир. По определению Н.Б. Лебиной, коммунальная квартира – это «некий тип жилища, находящегося в распоряжении сразу нескольких граждан» [10]. В такой квартире формировалось сообщество людей, которые были вынуждены жить друг с другом на общей территории. Жильцы – члены жактов (жилищно-арендных кооперативных товариществ) часто были незнакомы, а иногда просто несовместимы между собой. Порой соседи не были связаны ни профессией, ни возрастом, ни интересами, ни образованием, ни воспитанием [11, с. 59]. Как отмечала представительница «бывших» А.Д. Свиньина, «коммунальные квартиры не всегда улучшают человеческие отношения», такие квартиры похожи на «Брынский лес», «где есть всякого зверья по экземпляру» [См.: 10].

Американский психолог У. Джемс в структуру личности включал не только пристрастия, убеждения и интересы, но и личные вещи. Убранство дома он считал элементом физического «я» [12]. И действительно, наш дом является нашим отражением, отражением нашего психологического комфорта. На состоянии коммунальных квартир отражалось внутреннее эмоциональное состояние жильцов: часто в них

царили грязь в местах общего пользования, беспорядок в комнатах и отсутствие уюта. Жильцы перестали воспринимать свое жилье как «дом».

Писатель Ю.В. Сальников, побывав в то время в одном из московских домов, в котором проживала его тетья, так описал свои впечатления в письме родителям в Омск: «В комнате у нее [тети] тесно и неряшливо, хотя, по-моему, совсем необязательно тесноте должна сопутствовать неряшливость. Однако всё какое-то запыленное. Кровать, диван, мутно-зеленая, кажущаяся грязной скатерть из грубой материи, на подоконнике, покрытом пылью, лежат засыпанные зубным порошком мыльница и зубная щетка, а около окна стол с зеркалом, и на нижней полке валяются две тарелки, чашки, ложки. Впечатление, будто живет холостой мужчина. Встретила меня тетья Паня очень радушно, накормила обедом. <...> Потом мы ходили в парк им. Горького. Спускаясь по грязной лестнице, я раздавил какую-то скользкую массу, кем-то благоразумно сброшенную с террасы в момент уборки кухни, и чуть не упал. Тетья Паня заметила, что такие уж у них несознательные жильцы, и сама боязливо обошла серый комок, оказавшийся картошкой» [13, л. 19].

Нежелание что-либо делать в квартире, приводить в порядок свое жилище формировалось из ощущения реальной и психологической разрухи. В менталитете городских жителей 1920-х гг. дом перестал быть местом отдыха, спокойствия, защиты и «семейного очага». Не случайно во всех официальных документах (постановлениях, декретах), относящихся к жилищному вопросу, да и в неофициальных тоже (жалобах в средства массовой информации и контрольные органы) исчезает слово «дом». Оно заменено термином «жилая площадь». По меткому замечанию М.Г. Мееровича, жилище в Советском государстве стало средством управления людьми. Оно одновременно выступало в роли «кнута и пряника» в организации управления. Власть у одних отбирала квадратные метры, а других наделяла ими [14, с. 5].

Однако не все жильцы приводили свои дома в запустение. Американская журналистка М. Витлин, прожившая в нашей стране 50 лет, оставила следующее описание коммунальной квартиры, где в 1920-х гг. жила ее подруга Ольга Полянова, представительница интеллигенции: «Мы зашли в длинный, душный коридор с туск-

лым освещением, который был заставлен мебелью и инструментами. Велосипед был подвешен к потолку. Там же стояли лопата, умывальник и самовар. В конце коридора налево находилась кухня, где было семь столов, семь плит. На кухне ужасно пахло керосином. Напротив кухни располагался общий туалет с общей ванной. Она [Ольга] включила свет, ее комната была маленьким оазисом комфорта и культуры. На столе в центре комнаты стояли книги, в одном углу диван, в другом – шкаф. На стенах висели многочисленные портреты родственников» [15, с. 9]. Таким образом, мы видим, что в силу своего воспитания, образования, характера и внутреннего стержня представители «бывших» продолжали достойно жить в новых, нелегких, условиях. Они сумели принять новые жизненные реалии и самореализоваться.

Обитатели коммуналок в повседневной жизни были лишены возможности хоть как-то утаить свою личную жизнь. В коммунальной квартире ничего нельзя было скрыть от соседей, поэтому неудивительно, что она стала источником стрессов и конфликтов [16]. Жизнь в коммунальной квартире настолько изматывала жильцов психологически, что спровоцированный конфликт становился эффективным способом эмоциональной разрядки. В таких квартирах постоянно происходили ссоры. Например, жильцы одного краснодарского дома по улице Ленина неоднократно (в 1926, 1927 и 1928 гг.) писали жалобы в Рабоче-крестьянскую инспекцию «на соседку Ченцову», которая управляла жизнью всему двору: умышленно заводила склоки и начинала ссоры, избивала малолетних детей, бросалась кирпичами [17, л. 211].

Анализ жалоб и заявлений, которые ежедневно поступали в бюро жалоб и в Рабоче-крестьянскую инспекцию, показывает, что обитатели муниципализированных домов испытывали в основном негативные эмоции: зависть, злость, ненависть, неприязнь, чувство безысходности, хотя и чувства солидарности, взаимопомощи были им не чужды.

Обитателям муниципализированных домовладений крайне трудно было уживаться с соседями. Разный культурный уровень, воспитание, менталитет и образование не позволяли им найти общий язык. Так, житель Кубанской области М.М. Трегуб вместе с семьей терпел издевательства соседей (стилистика документа сохранена):

«Живя в частном домовладении <...> всё время мне и моей жене приходится переносить всякие оскорбления со стороны домовладелицы и кучки квартирантов, называвших меня и мою жену жидами. Детям выйти во двор нельзя, ибо они сейчас же забегают в комнату с плачем, что тетя или кто-то другой из жильцов прогоняет или бьет их» [18, л. 44]. П.З. Верещагина в заявлении в бюро жалоб Кубанского округа просит призвать к ответу своих арендодателей: «Настоящим заявляю, что я окончательно измотана издевательством Натальи Литвиновой и ее брата. Они не дают мне покоя, стараются выжить меня из квартиры» [19, л. 38]. Острый жилищный кризис не позволял людям найти комфортное во всех отношениях место для жилья, им приходилось терпеть и эмоциональный дискомфорт.

В мировоззрении советского человека сложилась определенная «социальная пирамида», на вершине которой находится рабочий класс. Он должен был получать определенные блага. Однако в реальности власть не могла оправдать эти ожидания. В большинстве случаев рабочие занимали малопригодные для жилья помещения. Кроме того, в периодических изданиях публицисты неоднократно призывали рабочий класс бороться с проявлениями мещанства в быту, разоблачать эппманов и тем самым еще больше накаляли обстановку [20, с. 1]. Защищая свои интересы, жильцы муниципализированных домов объединялись в своеобразные коалиции: «бывшие» и «обыватели». «Бывшие» стремились сохранить то, что еще можно было сохранить, а «обыватели» — взять то, что, по их мнению, должно принадлежать им.

Коммунальная квартира сформировала чувство коллективизма «по-советски», основанное на чувстве солидарности и взаимопомощи. Однако у советского коллективизма была и изнаночная сторона — пресечение любого различия в обществе. Популярный советский артист Р. Быков, детство которого прошло в коммунальной квартире, оставил такие воспоминания о своем жилье: «Люди в нашей огромной квартире делились по самым разным плоскостям и направлениям. Плата за электричество порождала деление на „индюков” и „всех остальных”. В связи с отоплением (топили дровами) жильцы делились на „парадных” и „дворовых”. <...> По всем линиям и плоскостям, разделявшим нас на разные категории,

сосредотачивались переплетения больших и малых конфликтов, и жильцы могли дружить как владельцы индивидуальных счетчиков и сталкиваться на почве хранения дров. Многоплановость взаимоотношений порождала вечное брожение умов. Конфликт практически не мог быть единичным, он тут же замыкался на всю цепь конфликтных ситуаций. Происходила цепная реакция, носившая характер пулеметной очереди, и разобраться, где „свой”, где „чужие”, было невозможно. Начинать действовать закон: „все со всеми против всех” и „все до одного против”, при этом вся штука в том-то и состояла, что „одним” у нас практически никто оставаться не мог» [См.: 10].

Советский коллективизм вызывал и чувство зависти у обитателей муниципализированных домовладений. Например, некий аноним из Краснодара писал в своей жалобе в местные контрольные органы (стилистика документа сохранена): «Я считаю своим долгом ознакомить Вас с теми фактами, которые характеризуют т. Борисова. Раньше при Борисове жила девочка, дочь его покойной жены: для ухода за девочкой он держал „няню”. Уже больше трех месяцев [назад] девочку эту забрал отец. Борисов остался совершенно один. Однако прислугу продолжает держать. Эта женщина за глаза называет Борисова „барином”. Живет Борисов в обстановке совершенно некоммунистической: у него ковры, мягкая мебель. В этом же доме живет другой коммунист, который занимает проходную комнату вместе с семьей, через которую проходят т. Борисов и его прислуга. Проходя через эту комнату, Борисов намеренно стучит каблуками, свистит, — словом, намеренно создает шум, чтобы не дать покоя живущему в этой комнате коммунисту и выселить его» [21, л. 132].

Таким образом, в раннесоветский период южные города России, как и другие города страны, испытывали острый жилищный кризис. Пытаясь решить жилищный вопрос, власть стала проводить новую жилищную политику, которая только усугубила ситуацию. Созданные по всей стране коммунальные квартиры, со своей особой атмосферой, стали источником стресса и конфликтов между соседями. Неудивительно, что обитатели муниципализированных домов в 1920-х гг. по большей части испытывали широкий спектр эмоций: от чувства солидарности, взаимопомощи до зависти и злости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Иванцов И.Г.** Роль внутрипартийного контроля в укреплении и развитии ВКП(б). 1920–1929 гг.: на материалах Кубани: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. URL: <http://www.disscat.com/content/rol-vnutripartiinogo-kontrolya-v-ukreplenii-i-razvitiivkr-b-1920-1929-gg-na-materialakh-kub> (дата обращения: 22.09.2015).
2. **Берк П.** Историческая антропология и новая культурная история // Новое лит. обозр. 2005. № 75. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html> (дата обращения: 1.03.2016).
3. **Плампер Я.** Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое лит. обозр., 2010. 512 с.
4. **Rosenwein B.** Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context I. 2010. No. 1. URL: http://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf (дата обращения: 16.08.2015).
5. **Reddy W.** Politics and History in the Anthropology of Emotions // Cultural Anthropology. 1999. No. 2. URL: <http://www.jstor.org/stable/656565> (дата обращения: 16.08.2015).
6. **Щетнев В.Е., Смородина Е.В.** История Кубани. XX век. Краснодар, 2009. 224 с.
7. **Государственный архив Краснодарского края.** Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 27.
8. **Нежигай Э.Н.** Городская культура Кубани периода нэпа: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. 212 с.
9. **Государственный архив Краснодарского края.** Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 62.
10. **Лебина Н.Б.** Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930. СПб.: Летний сад, 1999. URL: <http://lib.rus> (дата обращения: 25.11.2011).
11. **Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
12. **Фрейджер Р., Фэйдимен Д.** Теории личности и личностный рост. М., 2004. URL: <http://bookar.info/genpsy/terlich/load/doc.shtm>. (дата обращения: 2.07.2015).
13. **Государственный архив Краснодарского края.** Ф. Р-1682. Оп. 1. Д. 34.
14. **Меерович М.Г.** Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
15. **Wettlin M.** Fifty Russian winters. An American woman's life in the Soviet Union. N. Y., 1992. 324 p.
16. **Государственный архив Краснодарского края.** Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 437.
17. **Государственный архив Краснодарского края.** Ф. Р-226. Оп. 1 Д. 51.
18. **Центр документации новейшей истории Краснодарского края.** Ф. 7. Оп. 1. Д. 123.
19. **Центр документации новейшей истории Краснодарского края.** Ф. 10. Оп. 1. Д. 13.
20. **С. Кр.** Где же выход? (к жилищному вопросу) // Красное знамя. 1923. № 184.
21. **Центр документации новейшей истории Краснодарского края.** Ф. 4. Оп. 1. Д. 164.

МИКУЛЕНКО Юлия Андреевна – преподаватель, Российский государственный университет правосудия (Северо-Кавказский филиал).

Россия, 350002, Краснодар, ул. Леваневского, 187/1
e-mail: AK-bara@yandex.ru

Yu.A. Mikulenok

EMOTIONAL REPERTOIRE INHABITANT OF ZHAKT IN THE HOUSING HUNGER IN THE 1920S (ON THE EXAMPLE OF THE SOUTH OF RUSSIA)

The article we will considered by the inhabitants of the emotional repertoire municipalised households in the early Soviet period (1920s). 1920s – a period of acute housing crisis. Trying to solve the “housing

problem” the Soviet government began to carry out a new housing policy, one manifestation of which was the creation of communal apartments. Communal Living reflect the emotional state of roomers: the dirt, disorder and desolation of their living space have become the norm. In one house, apartment or room lived people who didn't connected with each other. Communal apartment didn't reserve personal space and become a source of stress and conflict. It is not surprising that the roomers of ZhAKT experienced mostly negative emotions: envy, anger, hatred, hostility and feelings of hopelessness.

THE NEW HOUSING POLICY; HOUSING QUESTION; A HOUSING CRISIS; A COMMUNAL APARTMENT; EMOTIONAL REPERTOIRE.

REFERENCES

1. Ivantsov I.G. *Rol' vnutripartiynogo kontrolya v ukreplenii i razvitiy VKP(b). 1920–1929 gg.: na materialakh Kubani*. Kand. dis. [Role the party control in the strengthening and development of the VKP(b). 1920–1929: on Kuban materials. Cand. diss.]. Krasnodar, 2005. 222 p. Available at: <http://www.dissercat.com/content/rol-vnutripartiynogo-kontrolya-v-ukreplenii-i-razvitiy-vkp-b-1920-1929-gg-na-materialakh-kub> (accessed 22.09.2015).
2. Berk P. [Historical Anthropology and the new cultural history]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2005, no. 75. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html> (accessed 1.03.2016).
3. Plamper Y. [Emotions in Russian history]. *Rossiyskaya imperiya chuvstv: podkhody k kul'turnoy istorii emotsiy*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2010. 512 p. (In Russ.)
4. Rosenwein B. Problems and Methods in the History of Emotions. *Passions in Context I*, 2010, no. 1. Available at: http://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf (accessed 16.08.2015).
5. Reddy W. Politics and History in the Anthropology of Emotions. *Cultural Anthropology*, 1999, no. 2. Available at: <http://www.jstor.org/stable/656565> (accessed 16.08.2015).
6. Shchetnev V.Ye., Smorodina Ye.V. *Istoriya Kubani. XX vek* [Kuban history. XX century]. Krasnodar, 2009. 224 p. (In Russ.)
7. [State Archives of the Krasnodar region]. F. R-1547. Op. 1. D. 27.
8. Nezhigay E.N. *Gorodskaya kul'tura Kubani perioda nepa*. Kand. dis. [Urban Culture Kuban period of NEP. Cand. diss.]. Krasnodar, 1999. 212 p. (In Russ.)
9. [State Archives of the Krasnodar region]. F. R-1547. Op. 1. D. 62.
10. Leбина N.B. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930*. St. Petersburg, Letniy sad Publ., 1999. Available at: <http://lib.rus> (accessed 25.11.2011).
11. Fitspatrik Sh. *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 336 p. (In Russ.)
12. Freydzher R., Feydimen D. *Teorii lichnosti i lichnostnyy rost* [Theories of Personality and personal growth]. Moscow, 2004. Available at: <http://bookap.info/genpsy/terlich/load/doc.shtm>. (accessed 2.07.2015).
13. [State Archives of the Krasnodar region]. F. R-1682. Op. 1. D. 34.
14. Meyerovich M.G. *Nakazaniye zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gg.)*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 303 p. (In Russ.)
15. Wettlin M. *Fifty Russian winters. An American woman's life in the Soviet Union*. New York, 1992. 324 p.
16. [State Archives of the Krasnodar region]. F. R-990. Op. 2. D. 437.
17. [State Archives of the Krasnodar region]. F. R-226. Op. 1 D. 51.
18. [Documentation center of the modern history of the Krasnodar region]. F. 7. Op. 1. D. 123.
19. [Documentation center of the modern history of the Krasnodar region]. F. 10. Op. 1. D. 13.
20. S. Kr. [Where is the exit? (For Housing problem)]. *Krasnoye znamya*, 1923, no. 184. (In Russ.)
21. [Documentation center of the modern history of the Krasnodar region]. F. 4. Op. 1. D. 164.

MIKULENOK Yuliya A. — *Russian State University of the justice of the North-Caucasian branch.*

Ul. Levanevskogo, 187/1, Krasnodar, 350002, Russia

e-mail: AK-bara@yandex.ru